

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Подмолода К.С., Тимонина Е.С. Югославская историография русской эмиграции первой волны //

Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 9. С. 44-60. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.9.71610 EDN:

VWMXZG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71610

Югославская историография русской эмиграции первой волны

Подмолода Кирилл Станиславович

аспирант; Исторический факультет; Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, кв. Е755

✉ kirill2405p@mail.ru

Тимонина Екатерина Сергеевна

аспирант; Исторический факультет; Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, кв. Д201

✉ timonina202020@mail.ru

[Статья из рубрики "История и историческая наука"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.9.71610

EDN:

VWMXZG

Дата направления статьи в редакцию:

30-08-2024

Дата публикации:

06-09-2024

Аннотация: В статье рассматривается югославская историография русской эмиграции первой волны. Анализируются работы и статьи – как научные, так и публицистические – специалистов по истории белой эмиграции из Югославии и ее бывших республик в период с 1920-х по 2020-е гг. В статье выделено несколько основных этапов истории

исследования феномена русского зарубежья, обозначены ключевые тематические направления работ югославских историков по заданной проблематике, анализируются главные вопросы, касающиеся отдельных трудов. Изучение данной темы, позволяет реконструировать изменение отношения к проблематике определенного феномена в исторической науке, в зависимости от политических и общественных трансформаций. Особенно актуален данный вопрос при анализе научных и публицистических работ в рамках определенной политической и региональной общности. Важно отметить определенную специфику исследовательской литературы Югославии по истории русской эмиграции. Авторы рассматриваемых в статье работ в основном останавливались на проблемах, связанных с пребыванием русских эмигрантов в Югославии, поскольку в 1920-е гг. королевство являлось одним из основных центров эмиграции. Настоящее исследование обладает научной новизной, поскольку работы югославских исследователей по теме русской эмиграции рассматривались прежде лишь как часть историографии русского зарубежья в целом. Большинство работ по заданной теме было опубликовано за последние 30 лет. Однако работы первой половины и середины XX века, посвященные проблематике русского зарубежья, представляют особую историографическую ценность, поскольку отражают трансформацию отношения к русской эмиграции первой волны правительства Югославии и ее общественности. В свою очередь исследования, опубликованные за последние три десятилетия освещают обширный спектр деятельности русской эмиграции в 1920-е – 1930-е гг. Они написаны с привлечением большого количества архивных данных, документов личного происхождения из частных фондов и других источников.

Ключевые слова:

историография, русская эмиграция, русская диаспора, Югославия, Белград, Новый Сад, Загреб, Тома Миленкович, Алексей Борисович Арсеньев, Мирослав Йованович

Королевство Сербов Хорватов и Словенцев (впоследствии Королевство Югославия) являлось одним из основных центров русской эмиграции после Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны 1918–1920 гг. Данное обстоятельство обусловило особый исследовательский интерес историков из Югославии и из ее бывших республик уже в последние десятилетия к данной теме.

Первые публикации (1920–1930-е гг.)

Первые статьи, посвященные феномену русского зарубежья, появились в периодической печати, выходившей на территории королевства, уже в 1920-е гг. Так, в 1921 г. была опубликована статья Любы Йовановича под названием «Русские у нас». Автор акцентировал внимание на экономических и социальных проблемах королевства, вызванных наплывом беженцев на его территорию, разоренную еще недавней войной. «Они (русские эмигранты. – К. П.) стоят нам денег, они занимают наши квартиры <...> они делают более дорогой нашу и без того бедную жизнь», – с горечью писал Люба Йованович [\[25, с. 7\]](#). Однако, по его мнению, была и определенная позитивная сторона в прибытии русских эмигрантов в королевство. Безусловным благом он считал преобладание среди русской диаспоры представителей элиты бывшей Российской империи, за исключением солдат. Другой сербский автор Иван Шайкович в книге «Русские проблемы», вышедшей в Белграде в 1927 г., писал, что среди эмигрантов, которые до революции занимали привилегированное положение у себя на родине, преобладают настроения, характеризующееся недовольством сложившейся ситуацией.

Причина состоит в том, что они лишились имущества и социальных благ. При этом Иван Шайкович считал, что русская эмиграция может принести пользу, однако для этого необходимы разработка определенной программы со стороны правительства Югославии и осознание своей «миссионерской роли» представителями русской диаспоры [\[28, с. 102\]](#).

В 1930-е гг. в Европе начинают выходить аналитические статьи и работы, посвященные проблематике русской эмиграции. Появляются и первые серьезные исторические работы по данной теме [\[40, с. 14\]](#). Этот процесс не мог не затронуть и Югославию, учитывая, что она занимала одно из центральных положений в русском рассеянии и в большом количестве городов королевства располагались значительные русские колонии, жившие своей культурной, политической и общественной жизнью. Так, в 1939 г. в журнале "Hrvatska smotra" («Хорватский обзор»), выходившем в Загребе – столице провинции Хорватия в составе Югославии, – была опубликована статья «Русская эмиграция: история – сущность – труд – смысл (1919–1939)». Она представляла собой обзор истории русской эмиграции от ее истоков до конца четвертого десятилетия XX в. Статья начиналась с обозначения и характеристики феномена русского зарубежья. В ней отмечалось, что само по себе данное явление в каждой точке земного шара характеризуется как государство в государстве без собственной территории и правительства, но определенным образом выделяющееся среди прочих политических субъектов международного права.

Первый этап русской эмиграции автор публикации Николай Федоров относил еще к 1917 г., после Февральской революции: «...некоторые представители аристократии, в особенности люди, обладающие большим богатством <...> предчувствуя тяготы революционных дней, уехали за границу». При этом об эмигрантах из данной группы беженцев автор отзывался далеко не лестно. По его мнению, они покинули Россию, совершенно не думая о судьбах отечества, которое «именно в эти дни переживало самые трагические события», они заботились исключительно о собственном комфорте: «...эти люди были только лишь беженцами, без какой-либо политической идеологии и даже без желания эту свою идею защищать» [\[2, с. 367\]](#).

Что же касается эмиграции, вызванной Гражданской войной, в особенности ее военных представителей, то здесь оценки автора совершенно противоположны. В статье уделяется большое внимание описанию предыстории эвакуации различных антибольшевистских сил из России. В описании Гражданской войны прослеживается явно сочувственное отношение к белому движению. Причины формирования Добровольческой армии Николай Федоров связывал с заключением Брестского мира, который он характеризовал как предательство советским правительством интересов России. Отступление белых армий в Сибири после поражения правительства Колчака и дальнейший их переход на территорию Китая автор именовал «великим исходом» [\[2, с. 369\]](#). Эвакуация Добровольческой армии из Крыма в статье обозначается как вынужденная, поскольку «белогвардейцы, в отличие от интернационально ориентированных большевиков, боролись до последней грани физических возможностей» [\[2, с. 370\]](#). Николай Федоров высоко оценивал роль П. Н. Врангеля – главнокомандующего соединениями белогвардейцев в Крыму в 1920 г., – в организации данного процесса. Важным событием он считал составление и обнародование воззвания Петра Николаевича. По его мнению, оно было «полно благородства, гуманизма, политической проницательности, мужества и осознания огромной моральной ответственности» [\[2, с. 370\]](#). Автор отмечал неоднородный социальный состав эмиграции. Большое внимание в статье уделялось политической, общественной и культурной

деятельности эмиграции. Автор полагал, что единственная идеология, коротая объединяет всех представителей русского зарубежья, – это «антибольшевизм» [\[2, с. 367–368, 371\]](#). Однако он отмечал, что по другим политическим вопросам представители эмиграции придерживаются различных взглядов [\[2, с. 371\]](#).

Самой влиятельной и авторитетной организацией русского зарубежья автор называл Русский общевоинский союз (РОВС). Данное объединение военных представителей эмиграции, участников белого движения, по словам Николая Федорова, отстаивало интересы русских беженцев в мире по различным вопросам [\[2, с. 373\]](#). Также автор выделял организацию «Русский сокол». Он высоко оценивал деятельность общества, основная цель которого состояла в воспитании подрастающего поколения эмиграции в духе патриотизма и русской культуры [\[2, с. 374\]](#). Однако большинство организаций, образованных наиболее активными представителями старшего поколения русского зарубежья, автор рассматривал со значительной долей скепсиса. Так, Высший монархический совет – основное объединение русских монархистов в эмиграции – Николай Федоров называл «мертворожденным бюрократическим органом, почти без какого-либо реального значения». Автор отмечал оригинальность евразийства – новой политической идеологии, возникшей среди представителей русской диаспоры на Балканах. Однако, по его мнению, это движение было связано с советским правительством через его агентуру, что и определило его дальнейшее угасание. Тем не менее Николай Федоров считал, что благодаря евразийцам в политической жизни русского зарубежья открылся новый этап дискуссий, что стимулировало его развитие и способствовало возникновению в дальнейшем новых организаций [\[2, с. 375\]](#).

Среди объединений эмигрантской молодежи, образованных в конце 1920-х – начале 1930-х гг., автор выделял Национальный трудовой союз и Союз младороссов [\[2, с. 377\]](#). Николай Федоров отмечал определенный идеологический конфликт между представителями старшего и младшего поколений русской эмиграции, что, по его словам, являлось «выражением вечного противостояния между отцами и детьми» [\[2, с. 376\]](#). Конкретную причину данного противостояния он видел в том, что среди самых старых органов русского зарубежья не были сформулированы изначально конкретные политические цели и задачи. Поэтому «эмигрантская молодежь создала новый оригинальный идеологический активизм», который захватил «всю эмигрантскую молодежь на всем земном шаре» [\[2, с. 376\]](#).

Что касается культурной жизни русского зарубежья, то здесь автор особенно выделял активную деятельность эмигрантов в вопросах образования (учреждение русских школ, университетов), организации различных праздничных мероприятий, имеющих в том числе важную идеологическую составляющую, которая заключалась в противопоставлении эмиграции большевизму [\[2, с. 378–380\]](#). Также в статье рассматривалась деятельность композиторов, писателей, режиссеров и других представителей культурной элиты русского зарубежья [\[2, с. 386–389\]](#). Отдельное внимание уделялось периодическим изданиям эмиграции. По мнению автора, большинство из них имело «локальное значение», а «всю эмиграцию» охватывали «в основном только две ежедневные газеты из Парижа – “Последние новости” и “Возрождение”» [\[2, с. 384\]](#).

Рассуждая о деятельности русского зарубежья в целом, автор приходил к заключению, что смысл его «работы выходит за рамки интересов самой эмиграции и принимает характер международного фактора исторического значения» [\[2, с. 367\]](#).

Исследование по заданию УГБ. 1940–1970-е гг.

После начала Второй мировой войны и в последующие десятилетия в Югославии тема русского зарубежья отходит на второй план. В годы войны данное обстоятельство было обусловлено тяжелыми условиями, в которых находились в тот период балканские государства. А с образованием Федеративной Народной Республики Югославии в 1945 г., а в особенности после осложнения отношений ее правительства с Советским Союзом в 1948 г., данная тема стала табуированной [\[30, с. 27\]](#). С этого момента эмигранты находились под подозрением в шпионаже в пользу СССР [\[30, с. 25\]](#). Многие русские эмигранты оказались в тюрьмах Югославии [\[30, с. 18\]](#). В начале 1950-х гг. некоторые из них были привлечены органами безопасности для создания рукописи по истории русского зарубежья для информирования югославских властных структур [\[30, с. 22\]](#).

Впервые данная работа была опубликована для широкого круга читателей в 2006 г. Подготовка и редактирование рукописи для печати были осуществлены сербскими историками Томой Миленковичем и Момчилой Павловичем. В своих изысканиях они применяли методы лингвистической и морфологической экспертизы. Так, согласно их заключениям, один из составителей документа постоянно использовал один глагол даже в тех местах, где его применение не требовалось. И подобная ситуация встречается в 1, 2, 9 и 10-й главах рукописи. Другой автор таким же образом использовал местоимение «свой», а третий – постоянно употреблял лексику, которая характерна для западной части Югославии. Четвертый автор часто начинал новое предложение теми же фразами, которыми заканчивал предыдущее [\[30, с. 22–23\]](#). Предисловие к работе, согласно заключениям Тома Миленковича и Момчила Павловича, написал сотрудник Управления государственной безопасности Югославии [\[30, с. 21\]](#).

Исследователи также выяснили источниковую базу рукописи и пришли к следующим выводам:

- при описании прибытия русских беженцев в Югославию и их культурной жизни в эмиграции авторы использовали эмигрантскую периодическую печать и публицистику;
- несмотря на то, что в обращении у составителей был широкий круг источников, касающихся данных тем, главы, посвященные им, были написаны скромнее, чем было возможно;
- данное обстоятельство было связано с тем, что УГБ не интересовали белая эмиграция до прибытия в Югославию, а также ее культурная и общественная деятельность;
- основное внимание сотрудники органов безопасности привлекали политические партии эмигрантов, религиозный вопрос, а также отношение к русской диаспоре иностранных сил, в особенности – СССР;
- по данным темам у авторов рукописи не было в наличии необходимого объема соответствующих документов;
- вследствие данного обстоятельства многие события в рукописи объяснялись участием масонов;
- данные рассуждения не подкреплялись соответствующими ссылками и делались на основании имевшихся у составителей знаний и их опыта [\[30, с. 22–23\]](#).

Также Тома Миленкович и Момчило Павлович отмечают, что авторы различных глав

рукописи не имели свободы во время своей работы и поэтому писали то, что от них ожидали. Отсюда эмиграция в работе была представлена в невыгодном свете [\[30, с. 23\]](#).

Данная рукопись примечательна прежде всего тем, что это было первое послевоенное исследование в Югославии, посвященное проблематике русского зарубежья в 1920–1930-е гг. [\[30, с. 18\]](#). В предисловии акцентировалось особое внимание на том, что среди эмигрантов работали агенты иностранных разведок – Англии, Франции, Германии и СССР [\[19, с. 32\]](#).

В начале работы было написано о предыстории эвакуации русских эмигрантов в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев. Приводился список командующих у белых [\[19, с. 44\]](#). Среди основных этапов эмиграции обозначались одесская, новороссийская, сибирская и крымская эвакуации [\[19, с. 70–71, 80\]](#). Согласно заключению автора первой главы, некоторые группы русских беженцев изменили свой маршрут и отправились в другие страны, поскольку в королевство прибыли не все суда, выдвинувшиеся в Сербию из Крыма [\[19, с. 59\]](#). Отдельное внимание уделяется размещению беженцев на территории королевства [\[19, с. 76, 94, 111\]](#). Согласно заключению первого автора, отношение к эмигрантам местного населения было обусловлено особенностями каждой конкретной области. Так, в Хорватии и Словении, где традиционно не было значительных русофильских тенденций, прием беженцев был холодным. Это принципиально отличалось от ситуации в Сербии [\[19, с. 111\]](#).

В рукописи рассматривалась деятельность эмигрантов в различных сферах общественной, экономической и политической жизни. По замечанию одного из авторов рукописи, крупные российские предприниматели в основном осели в Германии и Франции, тогда как в Югославии оказались представители более скромных деловых кругов [\[19, с. 157\]](#). Основной сферой их деятельности, согласно документу, являлись торговля и гостиничный бизнес [\[19, с. 159\]](#). Русские эмигранты занимались и сомнительными делами. Так, с образованием русских колоний в различных городах Югославии на территории королевства стали открываться дорогие бордели [\[19, с. 115\]](#). Кроме того, некоторые представители эмиграции занимались спекуляцией. Среди них в рукописи особо выделялся Е. Бабкин, который в таверне «Македония» учредил организацию «Завет» якобы для оказания материальной помощи беженцам. Однако в действительности Е. Бабкин занимался собственным обогащением [\[19, с. 114\]](#). Действительной организацией, которая пыталась разрешать проблемы беженцев и оказывать им помощь, был Земгор, который изначально был учрежден в Российской империи в 1915 г. для содействия снабжению армии [\[19, с. 172\]](#).

В целом, согласно рукописи, в Югославии насчитывалось более 100 обществ, созданных представителями русской эмиграции, культурной, научной, военной и политической направленности [\[19, с. 168–181\]](#). В тексте отмечается, что политические организации стремились найти опору в том числе и внутри СССР, поскольку среди эмигрантов было мнение, что в Советском Союзе существуют тайные монархисты, либеральная оппозиция и другие антибольшевистские силы [\[19, с. 113\]](#). Также отсутствовало понимание того, что иностранные державы руководствуются собственными интересами и не будут оказывать содействия эмигрантам, если это не будет совпадать с их целями [\[19, с. 112\]](#). Среди идеологов монархизма в рукописи выделялся митрополит Антоний Храповицкий [\[19, с. 67\]](#). Кроме того, рассматривалось противостояние сторонников великого князя Кирилла

Владимировича и великого князя Николая Николаевича по вопросу о правах на наследование престола [\[19, с. 347, 353, 375\]](#). Так же, как и в статье 1939 г. «Русская эмиграция: история – сущность – труд – смысл (1919–1939)» из журнала “Hrvatska smotra”, в рукописи отмечалось различие в идеологии старшего и младшего поколений русской диаспоры. Среди молодежных политических организаций отмечались марксистские и фашистские сообщества [\[19, с. 190\]](#).

Работы по истории эмиграции 1980–1990-х гг.

Новый этап в исследовании русской эмиграции в Югославии начался в конце 1980-х гг. Стало выходить большое количество работ, посвященных данной проблематике. В 1987 г. в Загребе в журнале “Književna smotra” («Литературное обозрение») было опубликовано несколько статей на тему литературной жизни русского зарубежья: «Литература русской диаспоры (1918–1940)» (авт. Магдалена Медарич-Ковачич) [\[7, с. 18\]](#), «Жизнь, культура и издательская деятельность русских эмигрантов в Новом Саде» (авт. Алексей Арсеньев) [\[1, с. 39\]](#), «Русские эмигранты в Югославии между двумя войнами» (авт. Ирина Лукшич) [\[6, с. 57\]](#). В первой статье рассматривается литературная жизнь эмиграции в русских колониях, расположенных в различных городах по всему миру [\[7, с. 29\]](#). Автор второй публикации, Алексей Арсеньев, является крупным современным исследователем по теме русского зарубежья. Его статья 1987 г. была посвящена не только отдельным аспектам литературной деятельности русской эмиграции, но и в целом жизни и организации русской колонии в сербском городе Новый Сад. Автор уделял особое внимание учреждениям, которые внесли весомый вклад в культурную жизнь Нового Сада. Так, в статье рассматривается работа реальной гимназии Союза городов и издательских центров братьев Грузинцевых, М. Г. Ковалева и др. [\[1, с. 55\]](#). Автором третьей публикации Ириной Лукшич была проанализирована деятельность эмигрантских литературных кружков в двух крупных городах Югославии – Белграде и Загребе. Всего исследовательница отмечает пять таких организаций в столице королевства. Особенно Ирина Лукшич выделяет кружок «Литературная среда», поскольку в его работе принимали участие самые известные представители русского литературного Белграда – Екатерина Таубер, Илья Голенищев-Кутузов, Кирилл Тарановский и др. [\[6, с. 58\]](#). Кроме данных статей в журнале были опубликованы список эмигрантских периодических изданий, выходивших на территории Югославии с 1920 по 1945 гг. [\[8, с. 66\]](#), и отдельные стихотворения наиболее известных поэтов русского зарубежья [\[3, с. 73\]](#).

Литературной жизни русской эмиграции в Сербии была посвящена также диссертация Остоя Джурича «Русская литературная Сербия: писатели, кружки и издания», написанная спустя три года после выхода статей в журнале “Književna smotra”. В работе затрагивались в том числе вопросы идеологического противостояния политических течений русского зарубежья. В частности, автор приводил некоторые выдержки из официальных открытых писем эсера Ф. Е. Махина, направленных против монархистов [\[22, с. 29–32\]](#). Также, опираясь на эмигрантскую периодику, О. Джурич рассматривал полемику, развернувшуюся в 1930-х гг. на страницах газет и на различных собраниях, по вопросу о поддержке Советского Союза в случае возможной иностранной интервенции на его территорию между «пораженцами» (выступавшими за поддержку интервенции) и «оборонцами» (сторонниками Советской России в грядущей войне) [\[22, с. 186\]](#). Данная диссертация является первым обстоятельным трудом на тему деятельности

представителей русской эмиграции в сфере культуры [\[38, с. 11\]](#). Работа оказала немалое влияние и на научную конференцию «Вклад русской эмиграции в развитие сербской культуры XX века» в апреле 1993 г. По результатам проведенного мероприятия в 1994 г. был опубликован двухтомник докладов. А в России в 1996 г. вышел сборник «Русская эмиграция в Югославии», где содержались переводы на русский язык 16 докладов белградской конференции и 5 статей российских историков [\[38, с. 13\]](#).

В 1994 г. в Новом Саде вышли воспоминания дочери русских эмигрантов и члена Сербской академии наук Ирины Георгиевны Грицкат-Радулович под названием «Воздушной поступью» [\[11, с. 136-144; 38, с. 14\]](#). В книге затрагивались в том числе наиболее острые вопросы в истории русской диаспоры на Балканах. В частности, сотрудничество определенной части эмиграции с нацистской Германией, которая оккупировала Югославию в 1940 г., и недоумение сербского населения по поводу данного обстоятельства [\[20, с. 191\]](#). Возникновение и развитие евразийства среди идеологов русской эмиграции было проанализировано в статье Милана Суботича «Евразийская интерпретация русской истории» [\[10, с. 127-145\]](#).

В 1990-е гг. начинает свою работу и крупный современный сербский исследователь по истории русской эмиграции Мирослав Йованович. Среди его работ данного периода следует выделить две статьи, опубликованные в 1994–1995 гг., и монографию 1996 г. «Прибытие русских беженцев в Королевство СХС. 1919–1924 гг.». Его первая статья была посвящена деятельности эсеров В. И. Лебедева и Ф. Е. Махина, а также эсеровским организациям в Королевстве Югославии [\[27, с. 337-354\]](#). Во второй статье «Королевство СХС и антибольшевистская Россия в 1918–1924 гг.» рассматривались предыстория эмиграции, обстоятельства Гражданской войны, в частности, формирование Уфимской директории после восстания Чехословацкого корпуса в 1918 г. [\[4, с. 112-118\]](#). В монографии 1996 г. содержалось подробное и обстоятельное описание переселения русских эмигрантов в Югославию в 1919–1924 гг. Мирослав Йованович выделяет пять волн такого переселения. К первой относилась эвакуация из Одессы в 1919 г. одновременно с отбытием французских военных контингентов, вторая волна – это прибытие русских беженцев из Новороссийска и Одессы во время передислокации частей Добровольческой армии в Крым, третья волна – переселение русских эмигрантов из Салоник на территорию Югославии, четвертая – прибытие русских судов с беженцами в королевство после крымской эвакуации, пятая – прибытие частей Добровольческой армии из Галлиполи в 1921 г. [\[26, с. 98-156\]](#). Особое внимание исследователь уделяет описанию условий, в которых происходило переселение русских эмигрантов. Историк приходит к выводу, что пассажиры на судах при эвакуации из Крыма постоянно испытывали страх смерти [\[26, с. 55-57\]](#). Мирослав Йованович считает, что в отношении переселенцев из России в период Гражданской войны корректнее употреблять понятие «беженцы», хотя и слово «эмигрант», по его мнению, не является абсолютно методологически неверным [\[26, с. 25-33\]](#).

Среди крупных современных сербских исследователей проблематики русского зарубежья следует назвать Алексея Борисовича Арсеньева, потомка русских эмигрантов [\[40, с. 5\]](#). Одна из его статей, вышедшая в 1987 г. в Загребе в журнале «Književna smotra», упоминалась выше. В 1995 г. он составил краткий биографический очерк жизни и деятельности Юрия Львовича Ракитина, который был режиссером Сербского театра и преподавателем Театральной школы в Белграде. В нем излагается история прибытия советской миссии Белград в 1940 г. и установления культурных связей между

Югославией и СССР. Одним из этапов данного процесса была демонстрация фильма «Волга-Волга». Арсеньев рассматривает восприятие и оценку эмигрантами данного произведения советского кинематографа и последующую дискуссию о фильме [\[13, с. 259\]](#).

На излете последнего десятилетия XX в. Арсеньев написал монографию, посвященную русской колонии в городе Новый Сад. Исследователь отмечает, что новосадская диаспора русских эмигрантов, наряду с белградской и некоторыми другими, являлась одной из самых многочисленных в королевстве [\[39, с. 16\]](#). Арсеньев выделяет особую роль в поддержке эмигрантов в Новом Саде Комитета по оказании помощи русским беженцам, возглавляемого доктором Костой Хаджи и управляющим городским госпиталем Джурой Трифковичем, а также местных предпринимателей Влада Стефановича и Николы Ивковича [\[39, с. 17\]](#). В работе отмечаются и определенные сложности в интеграции эмигрантов в сербское общество, вызванные разностью менталитета основной части русской диаспоры и граждан Югославии. Указывается, что эти сложности вызвали отток эмигрантов из королевства в Западную Европу [\[39, с. 24\]](#). В монографии рассматриваются культурная, политическая и общественная жизнь русской колонии в Новом Саде [\[39, с. 41, 66, 82\]](#), ее социальный состав, конфликты различных поколений эмиграции, последующая судьба наиболее ярких ее деятелей после 1940 г. [\[39, с. 133, 180\]](#).

Обобщающие работы и разработка новых тем в 2000–2020-е гг.

В 2000-е гг. в бывших республиках Югославии вышел ряд обобщающих работ по истории русской эмиграции. Среди них следует прежде всего отметить монографию Радована Пулко «Русские эмигранты в Словении в 1921–1941 гг.» 2004 г. Автор останавливается на вопросах размещения русских беженцев в различных городах королевства, выделенных для этого правительством Югославии [\[9, с. 16\]](#). Отдельная глава посвящена русской колонии в Любляне [\[9, с. 39\]](#). Также в работе анализируется социальный и численный состав эмигрантов в Словении [\[9, с. 24-25\]](#). Кроме того, разбирается деятельность различных профессиональных групп эмигрантов – военных, медиков, ученых [\[9, с. 31, 33, 47, 62\]](#). В целом работа Радована Пулко представляет собой комплексное исследование о пребывании русских эмигрантов на территории Словении в межвоенный период.

Одновременно с исследованием Радована Пулко вышла книга Томи Миленковича, посвященная жизни школьников русской диаспоры начиная со времени прибытия первых групп русских беженцев в Королевство Сербов Хорватов и Словенцев и заканчивая уже периодом оккупации Югославии немецкими войсками во время Второй мировой войны. На данную тему еще в 1994 г. была опубликована статья Любодрага Димича «Русское образование в Королевстве Югославии в 1918–1941 гг.», где освещались основные вопросы, связанные с образованием в русских колониях в различных сербских городах в межвоенный период [\[21, с. 38-51\]](#). Однако исследование Томи Миленковича отличается более детальной проработкой данной проблематики в силу большего объема работы. Монография включает 5 больших разделов. Один из них является вводным, где рассматриваются предпосылки и условия создания образовательных учреждений русскими эмигрантами, а четыре последующих раздела посвящены непосредственно проблематике исследования [\[31, с. 3\]](#). Отдельно рассматриваются образовательные учреждения разного уровня – начальная школа, средняя школа и вузы (университеты, отдельные курсы и т.д.) [\[31, с. 36, 87, 369\]](#). Исследователь видит основную задачу русских

школ в Югославии в сохранении духовной связи с Россией как в образовательной методике, так и в содержании отдельных дисциплин [\[31, с. 37\]](#). В частности, это выражалось в преподавании русского языка по правилам дореволюционной орфографии [\[31, с. 72\]](#).

В 2005 г. вышло фундаментальное исследование Мирослава Йовановича «Русская эмиграция на Балканах, 1920–1940 гг.». Автор выделяет несколько аспектов темы. Во-первых, рассматриваются политическая деятельность русских беженцев и место элит балканских государств в межвоенных европейских раскладах [\[40, с. 21–82\]](#). Во-вторых, оценивается внутренняя жизнь диаспоры – ее формирование, социальная структура и перемещения [\[40, с. 83–172\]](#). В-третьих, анализируются общественная жизнь, основные организации, объединяющие различные группы русских эмигрантов [\[40, с. 173–374\]](#). В-четвертых, разбирается индивидуальное восприятие представителями русской диаспоры сложившейся действительности, в которой они оказались после эмиграции [\[40, с. 370–450\]](#).

В 2000-е гг. также продолжают вестись исследования, касающиеся отдельных узких тем, связанных с пребыванием русских эмигрантов в Югославии. Вышел ряд статей Насиба Полибрк-Сукича, посвященных отдельным аспектам пребывания русских беженцев в сербском городе Панчево [\[34, с. 10–11; 42, с. 97–103\]](#). В 2005 г. была опубликована обобщающая монография по данной теме [\[35, с. 3\]](#), которая была переиздана с дополнениями в 2019 г. [\[36, с. 3\]](#). История Русской православной церкви за границей (РПЦЗ) рассматривалась в статье Мирослава Йовановича «"Священник и общество: вот лозунг" – Русская православная церковь за границей на Балканах в 1920–1940 гг.» [\[5, с. 67–100\]](#). Русским колониям в различных городах королевства были посвящены отдельные статьи Алексея Арсеньева [\[14, с. 166–171; 15, с. 60–67; 17, с. 113–126\]](#). Среди работ исследователя также следует выделить монографию «У других берегов и степей: русский участок Успенского кладбища в Новом Саде». В работе рассматриваются причины смертности эмигрантов. Согласно заключению автора, представители первого поколения русской эмиграции чаще всего умирали по причине сердечно-сосудистых заболеваний и туберкулеза [\[12, с. 17\]](#). Проблема распространения эпидемий среди эмигрантов разрабатывалась Арсеньевым и в более поздних публикациях. Так, в монографии 2011 г. «Самовары на равнине. Русская эмиграция в Воеводине» отмечалось, что из 750 беженцев, прибывших в город Панчево, треть была заражена тифом [\[18, с. 8\]](#).

Проблематике, тесно связанной со смертностью, а именно – истории захоронений и оформлению памятников на кладбищах, обустроенных представителями русской диаспоры, была посвящена монография Миланы Живанович «И крест, и пентакль: русские погребальные комплексы в Югославии в XX веке», вышедшая в 2020 г. В ней автор использовал обширный источниковый, в том числе архивный, материал [\[23, с. 12–13\]](#). Исследование посвящено истории русских захоронений на территории Югославии на протяжении всего XX в. – памятникам на могилах солдат из Русского экспедиционного корпуса, воевавшим на Салоникском фронте Первой мировой войны, могильным комплексам русских эмигрантов, захоронениям советских военных во время Второй мировой войны [\[23, с. 7\]](#).

Если говорить о межвоенном периоде, то автор затрагивает следующие темы. Вначале она останавливается на вопросе захоронений русских солдат из состава экспедиционного корпуса. В работе отмечается, что «русские воины, участники Первой

мировой войны, которые были похоронены в Сербии, были гражданами уже не существующего (на период 1920–1930-х гг. – *К.П.*) государства (Российской империи. – *К.П.*), а Советский Союз Югославия признала только в 1940 г. Поэтому в межвоенный период о местах захоронений русских воинов заботились отряды местных российских беженцев и посольство царской России в Белграде, которое официально существовало до марта 1924 г.» [\[23, с. 86\]](#). Этим занимались и другие эмигрантские организации, в том числе РПЦЗ. В монографии также рассматривается история создания крупных мемориальных комплексов. Здесь прежде всего следует выделить памятник русским солдатам, погибшим в Первой мировой войне. История создания данного памятника подробно раскрывается в монографии. Идея его создания зародилась сразу по прибытии русских военных континентов Добровольческой армии из Галлиполи. Одним из инициаторов сооружения памятника являлся генерал Кутепов. Еще в 1923 г. русские казаки и офицеры сложили кучу камней и поставили крест на горе Овали, где во рву было обнаружено захоронение русских солдат, «весьма запущенное» [\[23, с. 95\]](#). В первой половине 1920-х гг. был организован конкурс проектов, победителем которого стал Иван Афанасьевич Рик. Однако из-за недостатка средств, несмотря на пожертвования, проект не был претворен в жизнь [\[23, с. 97–99\]](#). Открытие мемориального комплекса состоялось уже в 1930-е гг. и было связано с деятельностью редакции газеты «Царский вестник». В 1934 и 1935 гг. в газете были представлены два проекта. Оба варианта во многом были схожими. В обоих должен был присутствовать архангел Михаил на высоком постаменте, поражающий мечом дракона, а ниже должен был быть размещен вход в склеп, где были захоронены русские воины. Различия заключались в форме постамента, других отдельных деталях. Так, в первом варианте постамент должен был представлять собой скалу, а во втором, который в итоге был реализован, каменная глыба заменялась столбом [\[23, с. 139\]](#). В 1935 г. состоялось освещение склепа, в следующем был открыт памятник [\[23, с. 142\]](#).

Рассматривая историю захоронений самих эмигрантов, исследовательница останавливается на определении их местоположения, выделяя наиболее значимые [\[23, с. 181–182\]](#). Согласно ее заключениям, в первые годы формирования русской диаспоры в Югославии для беженцев «были выделены места под кладбища, которые находились <...> на передних участках земли городских и сельских кладбищ». Однако впоследствии эмигрантам определяли участки земли под захоронения на более отдаленных территориях [\[23, с. 182\]](#). Что же касается оформления надгробий, то здесь Милана Живанович отмечает, что большинство представляло собой «восьмиконечные кресты с цитатами из Священного Писания, а также малочисленные эпитафии». В основном это были деревянные кресты, хотя уже с 1920-х гг. появляются каменные. При этом процесс интеграции представителей эмиграции в местное общество, выражавшийся прежде всего в заключении смешанных браков, как пишет автор, отразился и на оформлении надгробий. Оно постепенно становится более скромным и, соответственно, менее декорированным [\[23, с. 182\]](#). По размеру площади и количеству похороненных беженцев Милана Живанович выделяет русский некрополь в Белграде [\[23, с. 182\]](#), а также кладбище в городе Панчево, где покоятся бывшие пациенты санатория-больницы Красного Креста имени короля Александра I Объединителя [\[23, с. 184\]](#). Среди захоронений русских эмигрантов, располагающихся на других территориях бывшей Югославии, автор отмечает участок, выделенный на старом военном кладбище в городе Сараево в Боснии, где в межвоенное время были похоронены 9 учащихся кадетского корпуса и 7 членов персонала данного учреждения [\[23, с. 186\]](#). Кадетский корпус в

Сараево начал свою работу еще 1920 г., когда из Крыма сюда прибыли «263 кадета и 40 учителей и воспитанников» [\[23, с. 185\]](#). Пребыванию русских эмигрантов в Боснии и Герцеговине была посвящена статья А. Б. Арсеньева, опубликованная в 2011 г. Основываясь на данных переписи населения, автор заключает, что в 1921 г. там проживали 2636 человек [\[37, с. 141\]](#).

В начале 2010-х гг., когда уже накопился значительный массив исследовательской литературы на тему русской эмиграции в Югославии, возникла потребность в ее систематизации. В 2011 г. была опубликована статья А. Арсеньева «Русская эмиграция в Сербии: обзор публикаций последних лет», где автор представил перечень основных исследований 1990–2000-х гг., проанализировал их, классифицировал по главным встречающимся темам [\[38, с. 11–31\]](#). Тогда же вышла статья сербского историка Б. Косановича о митрополите Антонии (Храповицком). Она начинается с краткой биографической справки о жизни митрополита Антония [\[41, с. 217\]](#). Затем автор рассматривает основные политические и философские взгляды архиерея. Как отмечает исследователь, Антоний Храповицкий являлся «убежденным монархистом». В качестве иллюстративного примера высказываний владыки, характеризующих его политическую позицию, Б. Косанович приводит известную юмористическую сентенцию Антония Храповицкого: «Терпеть не могу слов, оканчивающихся на -уция: конституция, революция, проституция» [\[41, с. 218\]](#). Также примечательно исследование Б. Косановича с точки зрения христианской морали. Автор приходит к выводу, что владыка связывал отрицание убийств и войны с проповедью Царствия Небесного, тогда как войну ведет государство. Следовательно, ни в Ветхом, ни в Новом Завете не присутствует запрета на действительные военные действия. А шестую заповедь («не убий») следует понимать как запрет на самовольное убийство [\[41, с. 218\]](#).

В 2010-х гг. продолжились исследования истории образовательной деятельности русских эмигрантов. Здесь следует отметить работу Майи Николовой «Русско-сербская мужская гимназия, Русско-сербская женская гимназия в Белграде в 1920–1940 гг.». Так же, как и Тома Миленкович, Майя Николова отмечает идеологический и политический характер преподавания в русских школах в Югославии, обусловленный стремлением сохранить и передать будущим поколениям культурную и национальную идентичность [\[33, с. 82, 85\]](#). В работе сообщаются основные данные об организации обучения в русских колониях королевства [\[33, с. 82–83\]](#). Преимущественное внимание автор уделяет обеим гимназиям в Белграде. Майя Николова высоко оценивает подготовку учеников к следующим ступеням образования. Исследовательница также рассматривает учебный план и его изменения на протяжении всего изучаемого периода. В целом ее работа показывает состояние образовательного процесса в русской колонии в Белграде в 1920–1930-х гг. в его соответствии с идеологией эмиграции и законодательством королевства [\[33, с. 87\]](#).

Следует отметить отдельные работы историков из бывших республик Югославии, посвященные пребыванию в королевстве представителей различных национальностей, эмигрировавших из России после революции и Гражданской войны. В частности, данной проблематике была посвящена монография Тома Миленковича 1998 г. Исследователь рассматривал культурную, религиозную и общественную деятельность калмыков в Югославии, которые во время Гражданской войны сражались на стороне Добровольческой армии, а после ее завершения прибыли на территорию королевства [\[29, с. 3, 8, 112\]](#). Схожей проблематике посвящена публикация 2016 г. Милоша Дамиановича, рассказывающая не только о калмыках, но и о эмигрировавших в

Югославию евреях и цыганах [\[32, с. 171–194\]](#).

Среди публикаций последний лет следует отметить статью Ксении Кончаревич «Россия и русские в сербских мемуарах 1917–1927 гг.», вышедшую в 2020 г. Автор анализирует изменения восприятия в сербском обществе Российского государства и его граждан за указанный период. Исследовательница рассмотрела более двух десятков мемуаров сербских деятелей культуры, официальных лиц, а также добровольцев из Красной армии [\[28, с. 95\]](#). Автор считает, что еще в XVIII в. в Сербии складывалось восприятие России как государства, которое обеспечивало защиту православного населения всего мира. На протяжении XIX в. в мировоззрении сербского народа произошли определенные изменения мнений по этому вопросу. Накануне революции на территории Российской империи оказалось около 30 тыс. сербов. Среди них были дипломаты, чиновники, студенты. Однако самую большую группу составляли представители южнославянских народов, мобилизованные в австро-венгерскую армию, откуда они дезертировали в русские войсковые части и сформировали свои добровольческие соединения [\[28, с. 96\]](#). Многие из сербов, оказавшихся на территории России, во время революционных событий отправляли письма своим друзьям на родину, а по прибытии домой начинали писать мемуары. Авторы воспоминаний являлись приверженцами различных политических взглядов и идеологических течений. В своих мемуарах они стремились оценить произошедшие события – поражение империи в войне и появление новой России [\[28, с. 97–99\]](#).

Также следует отметить статью Миланы Живанович «Расследование в Первом кадетском корпусе великого князя Константина Константиновича в Белой Церкви в 1934 г.». В статье анализируется отношение представителей правых идейных течений эмиграции к просоветским тенденциям в русской диаспоре Югославии на примере расследования, организованного в Первом русском кадетском корпусе великого князя Константина Константиновича в Белой Церкви, проводимого с целью выявить намерения учащихся создать коммунистическую организацию [\[24, с. 43–70\]](#). Основанием для открытия дела явилось содержание двух писем учащегося русско-сербской гимназии в Белграде Никиты Ракитина, адресованных курсанту кадетского корпуса Борису Максимову. Несмотря на то, что по результатам расследования было выяснено, что организация так и не была сформирована, фигуранты дела были исключены из учебного заведения. На основании анализа данных расследования Милана Живанович приходит к выводу, что отношение директора кадетского корпуса и отдельных представителей преподавательского коллектива к просоветским позициям и в целом к оборончеству (идеологии, согласно которой представители эмиграции в ситуации интервенции иностранных государств имеют нравственный долг поддержать СССР в будущей войне) являлось крайне негативным.

В 2023 г. вышла работа А. Арсеньева, представляющая собой систематизированный список всех работ о русской эмиграции в Югославии с 1920-х по 2020-е гг. Публикация включает в себя несколько разделов. В одном из них представлены исследования, рассматривающие деятельность русской эмиграции в целом. Во другом разделе перечисляются труды, посвященные юридическим вопросам о правовом положении эмиграции в Югославии. В следующем разделе автор приводит список литературы, касающейся деятельности эмиграции в границах русских колоний на территории Югославии. Еще один раздел включает список работ, в которых анализируется вклад представителей эмиграции в культурное и экономическое развитие Югославии [\[16, с. 5\]](#).

Заключение

Историографию русской эмиграции в Югославии можно подразделить на несколько этапов. Первый относится к 1920–1930-м гг. Данный период отмечен публикацией отдельных обзорных и аналитических статей в газетах и журналах королевства. Их авторы рассматривали феномен русской эмиграции в целом. Некоторые из них имели прикладной характер, поскольку выходили в период формирования в Югославии русских колоний. Поэтому зачастую авторы стремились показать, каким образом правительству королевства необходимо извлечь пользу из сложившейся ситуации в экономической, культурной и социальной сферах. В следующее десятилетие проблематика русской эмиграции отходит на второй план из-за Второй мировой войны. А с появлением Федеративной Народной Республики Югославии тема русской эмиграции становится табуированной. Единственное исследование, посвященное истории русской эмиграции в послевоенные десятилетия, – рукопись, написанная в начале 1950-х гг. под патронажем УГБ Югославии представителями русской диаспоры под арестом. Однако впервые данная работа была опубликована лишь в 2006 г. Следующий этап в изучении русской эмиграции в Югославии относится к 1980–1990-м гг. Первые исследования этого этапа были посвящены литературной деятельности русских эмигрантов. Однако уже во второй половине 1990-х гг. выходят работы и отдельные статьи, в которых рассматривается эвакуация русских беженцев в Югославию во время революции и Гражданской войны, а также статьи об идеологии различных политических групп в эмиграции. Следующий этап в изучении русской эмиграции специалистами из бывших республик Югославии относится к 2000-м гг. Данный период был отмечен выходом обобщающих монографий по истории русской эмиграции, а также по отдельным аспектам ее деятельности, в том числе в области школьного образования, в культурной и религиозной сферах. Завершающий этап югославской историографии русской эмиграции относится к 2010–2020-м гг. В данный период вышел ряд работ по отдельным аспектам данной темы – по истории погребальных комплексов, по образованию в русских колониях, по дискуссии между «оборонцами» и «пораженцами», а также по восприятию гражданами Югославии русских беженцев и положения Российского государства в мире.

Библиография

1. Arsenjev A. B. Život, kulturna i izdavačka delatnost ruska emigranata u Novom Sadu // Književna smotra. 1987. Br. 65–66. S. 39–56.
2. Fedorov N. Ruska emigracija: Historija – Suština – Rad – Značenje. 1919–1939 // Hrvatska smotra. 1939. God. VII. Br. 7–8. S. 367–389.
3. Izbor iz pjesničke ostavštine beogradskog kruga ruskih emigranata // Književna smotra. 1987. Br. 65–66. S. 73–75.
4. Jovanović M. Kraljevina SHS i antiboljševička Rusija 1918–1924 // Tokovi istorije. 1995. Sveska 1–2. S. 93–126.
5. Jovanović M. "Sveštenik i društvo: eto parole" – Ruska pravoslavna zagranična crkva na Balkanu 1920–1940 // Tokovi istorije. 2005. Sveska 3–4. S. 67–100.
6. Lukšić I. Ruski emigranti u Jugoslaviji između dva rata // Književna smotra. 1987. Br. 65–66. S. 57–65.
7. Medarić-Kovačić M. Ruska književnost u dijaspori (1918–1940) // Književna smotra. 1987. Br. 65–66. S. 18–29.
8. Popis periodičkih izdanija ruske emigracije u Jugoslaviji 1920–1945 // Književna smotra. 1987. Br. 65–66. S. 66–70.
9. Pulko R. Ruski emigranti na Slovenskem 1921–1941. Logatec, 2004. 144 s.
10. Subotić M. Evroazijska interpretacija ruske istorije // Tokovi istorije. 1995. Knj. 1/2. S.

127–145.

11. Арсењев А. Б. Ирена Грицкат-Радуловић (1922–2009) // Руски алманах. 2009. № 14. С. 136–144.

12. Арсењев А. Б. Крај других обала и степа: руска парцела Успенског гробља у Новом Саде. Нови Сад, 2009. 98 с.

13. Арсењев А. Б. Ракитин међу руским емигрантима // Зборника Матице српске за сценске уметности и музику. 1995. № 16–17. С. 249–264.

14. Арсењев А. Б. Руска емиграција у Новом Саде // Име и презиме Нови Сад. Нови Сад, 2010. С. 166–171.

15. Арсењев А. Б. Руска емиграција у Сремским Карловцима // Кровови. 2003. Бр. 54/55/56. С. 60–67.

16. Арсењев А. Руска емиграција у Југославији: библиографија: 1920–2023. Београд, 2023. 638 с.

17. Арсењев А. Б. Руска интелигенција у Војводини: културни, просветни и привредни оквири делатности // Кровови. 2008/2009. Број 71/72/73/74. С. 113–126.

18. Арсењев А. Б. Самовари у равници: руска емиграција у Војводини. Уметничка радионица Завештање. Нови Сад; Футог, 2011. 291 с.

19. Беломиграција у Југославији 1918–1941 / При ред. Т. Миленковић, М. Павловић. Т. 1. Београд, 2006. 506 с.

20. Грицкат-Радуловић И. Г. У лебдивом ходу: Сећања. Матица српска. Нови Сад, 1994. 256 с.

21. Димић Љ. Руско школство у Краљевини Југославији 1918–1941 // Руска емиграција у српској култури XX века. Зборник радова. Том I. Филолошки факултет у Београду. Катедра за славистику и Центар за научни рад. Београд, 1994. С. 38–51.

22. Ђурић О. Руска литерарна Србија 1920–1941: писци, кружоци и издања. Дечје новине. Горњи Милановац; Београд, 1990. 301 с.

23. Живановић М. И крст, и петокрака: руски гробни комплекси у Југославији у 20 веку. Београд, 2020. 567 с.

24. Живановић М. Истрага у Првом руском кадетском корпусу великог кнеза Константина Константиновича у Белој Цркви 1934 године // Токови историје. 2022. XXX. Бр. 1. С. 43–70.

25. Јовановић Љ. Руси у нас // Нови живот. 1921. Књ. VI. Св. 2. С. 7.

26. Јовановић М. Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996. 390 с.

27. Јовановић М. О једној забуни у нашој историји, или Ко је В. Лебедев? // Зборник Филозофског факултета. Сер. А. Историјске науке. 1994. Књ. 18. Споменица Радована Самарџића. С. 337–354.

28. Кончаревић К. Русија и Руси у српској мемоаристици 1917–1927 // Славистика. 2020. Књ. XXIV. Св. 1. С. 95–104.

29. Миленковић Т. Калмици у Србији, 1920–1944. Београд, 1998. 244 с.

30. Миленковић Т., Павловић М. Предговор / Беломиграција у Југославији 1918–1941 / При ред. Т. Миленковић, М. Павловић. Т. 1. Београд, 2006. С. 5–30.

31. Миленковић Т. Школовање деце емиграната из Русије у Југославији 1919–1941. Завод за уџбенике и наставна средства. Београд, 2004. 484 с.

32. Милош М. Д. Нетипични Руси: калмици, јевреји и цигани међу белоемигрантима у Југославији 1918–1941 // Баштина. Приштина; Лепославне, 2016. С. 171–194.

33. Николова М. Руско-српска мушка гимназија, Руско-српска женска гимназија у Београду 1920–1940. Београд, 2017. 120 с.

34. Палибрк-Сукић Н. Из библиотеке руске колоније у Панчеву: галипољске приче. Панчево, 2003. Год. II. Бр. 2. Мај. С. 10–11.

35. Палибрк-Сукић Н. Руске избеглице у Панчеву 1919–1941 / Предговор Алексеја Арсењева. Панчево, 2005. 369 с.
36. Палибрк-Сукић Н. Руске избеглице у Панчеву 1919–1941 / Предговор Алексеја Арсењева. Друго, допуњено издање. Панчево, 2019. 446 с.
37. Арсеньев А. Б. Русская эмиграция в Боснии и Герцеговине (1919–1990-е гг.) // Ежегодник 2011 Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына / Отв. ред. Н. Ф. Гриценко. М., 2011. С. 140–169.
38. Арсеньев А. Б. Русская эмиграция в Сербии: обзор публикаций последних лет // Руска дијаспора и изучавање руског језика и руске културе у инословенском и иностраном окружењу. Београд, 2011. С. 11–31.
39. Арсеньев А. Б. У излучины Дуная: очерки жизни и деятельности русских в Новом Саде. М., 1999. 253 с.
40. Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2005. 487 с.
41. Косанович Б. Взгляды архиепископа Антония (Храповицкого) на войну // Руска дијаспора и изучавање руског језика и руске културе у инословенском и иностраном окружењу. Београд, 2011. С. 217–222.
42. Палибрк-Сукич Н. П. Н. Врангель и другие знаменитые русские в городе Панчево // Вестник морского врача. 2009. № 7. С. 97–103.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Хотя с момента революции 1917 г. прошло уже больше сто лет, интерес к ней не угасает, а ее оценки по-прежнему расходятся от величайшего события века до крупнейшей социальной катастрофы. Бурные события 1917 г. привели к волне эмиграции, которая охватила такие страны, как Франция, Чехословакия, Германия, Югославия. В этой связи вызывает интерес изучение зарубежной историографии первой волны русской эмиграции.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является югославская историография русской эмиграции первой волны. Автор ставит своими задачами проанализировать историографию различных хронологических периодов, а также определить восприятие гражданами Югославии русских беженцев и положения Российского государства в мире.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать югославскую историографию русской эмиграции первой волны.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 40 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы, в том числе на сербско-хорватском языке. Из привлекаемых автором источников укажем на периодические издания русской эмиграции в Югославии 1920–1945 гг. Из используемых исследований отметим труды А.Б. Арсеньева и М. Йовановича, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения истории русской эмиграции на Балканах. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с

просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как русской эмиграцией, в целом, так и русской эмиграцией 1920-1930-хх г. в Югославии, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (впоследствии Королевство Югославия) являлось одним из основных центров русской эмиграции после Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны 1918–1920 гг.» В работе выделяются несколько этапов в историографии русской эмиграции в Югославии. Если довоенный период характеризуется публикацией отдельных обзорных и аналитических статей в газетах и журналах королевства, то в 1950-1970-е гг. подобных материалов крайне мало. Заметим, что в начале XXI в. в центре внимания югославской историографии находятся вопросы «истории погребальных комплексов, по образованию в русских колониях, по дискуссии между «оборонцами» и «пораженцами», а также по восприятию гражданами Югославии русских беженцев и положения Российского государства в мире».

Главным выводом статьи является разработанная автором периодизация югославской историографии русской эмиграции.

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».